

Ж. А. Сержанова, Н. А. Груба
**НЕМЦЫ-МЕННОНИТЫ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ:
 К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

УДК 39(571.13)

ББК 63.5(=432.42)

В статье анализируется этнолингвистический и культурно-исторический материал, собранный в ходе диалектологического исследования сел Омской области, жители которых говорят на нижненемецком диалекте (*Plattdeutsch* или *Ploutditsch*) и называют себя «плотдич». Большинство информантов, принявших участие в интервью, являются представителями меннонитских общин — уникальных островков культуры, где по-прежнему поддерживается особый жизненный уклад, сохраняются традиционные ценности и язык предков. В исследовании рассматриваются проблемы этнокультурной идентичности немцев-меннонитов Омской области, которая изначально формировалась на стыке двух культур — немецкой и русской. Поэтому этническая картина мира, складывающаяся в их сознании, русско-немецкая; то же самое справедливо и в отношении их самоидентификации. Тем не менее личность, сформировавшаяся в такой культурной среде, не несет в себе признаков культурной раздвоенности. Для нее характерна целостность, сложившаяся в результате усвоения более широкого спектра ценностей и сглаживания внутренних противоречий. В публикации описываются маркеры, составляющие основу этнокультурного самосознания информантов: самоназвание (или этноним), родной язык и языковые практики, религия, историческая память и общая историческая судьба, брак и семья, включая национальность родителей и супругов, собственная национальность и др. Кто такие омские «плотдич» сегодня, каковы их модели коллективной идентичности, какие современные маркеры ее формируют/деформируют, влияют на характер межэтнических процессов внутри изучаемых общин — таков примерный перечень вопросов, рассмотренных в статье.

Ключевые слова: *этническая идентичность, немцы-меннониты, этнокультурная раздвоенность, этническая картина мира, самоидентификация, этническое самосознание, платтдойч*

В рамках всероссийского конкурса грантов «Российские немцы в авангарде будущего» нами была организована летом 2016 г. исследовательская экспедиция в места компактного проживания немцев-меннонитов Омской области — в Исилькульский и Москаленский районы. В задачи экспедиции входило диалектологическое исследование местных говоров, сформировавшихся на основе нижненемецкого диалекта — платтдойч («плотдич» или «платский»), а также сбор историко-этнографического и лингвокультурологического материала с целью изучения факторов,

влияющих на сохранение и трансформацию не только языков, но и этнокультурного самосознания их носителей в постсоветском пространстве. Исследование проводилось в селах Солнцевка и Мирюлюбовка, которые являются первыми поселениями немцев-меннонитов в Сибири: они появились на территории Омского уезда в самом конце 1890-х гг. — начале XX в. Сегодня эти села представляют собой уникальные островки, где по-прежнему сохраняется меннонитская община и где можно услышать язык, который традиционно причисляется к нижненемецким диалектам.¹

Особый жизненный уклад, религиозные практики меннонитов представляют большой интерес для отечественных и зарубежных исследователей. Среди работ, опубликованных

Сержанова Жанна Александровна — к.филол.н., доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Сибирский государственный аэрокосмический университет (г. Красноярск)
 E-mail: sershanowa@mail.ru

Груба Наталья Александровна — к.пед.н., доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Сибирский государственный аэрокосмический университет (г. Красноярск)
 E-mail: ngruba@yandex.ru

¹ См.: Jedig H. Laut und Formenbestand der Niederdeutschen Mundart des Altai-Gebites. Berlin, 1966; Авдеев И. Е. Фонетический строй нижненемецкого говора Алтайского края в его историческом развитии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1965. С. 6–16; Валл Г. И. Словообразовательные модели нижненемецкого говора Омской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1974. С. 7–18.

в течение последних двух десятилетий, выделяются исследования И. В. Арент,² А. Н. Блиновой, И. Н. Черновой,³ П. П. Вибе,⁴ Ю. А. Виль,⁵ Т. Б. Смирновой,⁶ И. В. Черказьяновой,⁷ В. Н. Шайдурова.⁸ Что касается вопроса этнической идентичности российских немцев, то можно констатировать, что число работ, посвященных данной проблеме, уже довольно значительно. В контексте нашего исследования мы выделяем работы Э. Р. Барбашиной,⁹ В. М. Кириллова¹⁰ и др. Но при этом следует отметить, что язык меннонитов — платтдойч — становится объектом диалектологических исследований достаточно редко. В последнее время язык меннонитов Омской области фрагментарно описан в работах Е. А. Либерт¹¹ и И. А. Бахмутовой¹² и, естественно, требует дальнейшего изучения, поскольку исследование немецкоязычного острова в русскоязычном окружении представляет особый интерес.

Идея данной статьи возникла в ходе расшифровки записей интервью информантов, в которых наметился мотив утраты единого смыслового пространства, формировавшего на протяжении веков единую картину мира немцев-меннонитов в России, что позволяло им идентифицировать себя как «плотдич»

(«платские немцы»). Кто такие омские «плотдич» сегодня, каковы их модели коллективной идентичности, какие современные маркеры ее формируют / деформируют — таков примерный перечень вопросов, на которые мы попытаемся дать ответ.

В. С. Курске рассматривает проблему этнической идентичности российских немцев с позиции нахождения индивидуума на своеобразном культурном пограничье, как идентичность человека, живущего в двух мирах. По мнению автора, такую идентичность нельзя характеризовать как целостную, поскольку она распадается на разные, нередко противоположные друг другу, компоненты. Так, идентичность российских немцев, независимо от территории их компактного проживания, формируется на стыке двух культур — русской и немецкой. Более того, сама территория их компактного проживания приобретает пограничные свойства как регион, где население заимствует черты двух (или более) перекрывающих друг друга культур. Однако личность, сформировавшаяся в такой культурной среде, не несет в себе признаков болезненной раздвоенности между разными культурами. Данная культура по принципу «два в одном» является для нее целостной и родной. Человек, воспитанный в рамках такой этнокультурной ситуации, усваивает расширенный спектр норм и ценностей и привычным образом укладывает в эту систему противоречия, обусловленные различиями двух культур.¹³

Таким образом, исследуемые нами омские немцы-меннониты изначально погружены в ситуацию поликультурности, и этническая картина мира, складывающаяся в их сознании, двухкомпонентна: она представляет собой синтез русской и немецкой культур. То же самое справедливо и в отношении их самоидентификации, о чем свидетельствуют и высказывания наших информантов.

Следует отметить, что орфография платтдойч не имеет единой общепризнанной письменной нормы. В России, Канаде, США, Мексике, Бразилии и Парагвае, а в последние годы и в Германии, складываются собственные и пока неустойчивые письменные традиции. Выходящие в последние десятилетия словари платтдойч отражают его «поликон-

² Арент И. В. Национально-территориальные и культурные образования немцев Западной Сибири как объект политики Российской Федерации в конце XX — начале XXI вв.: дис. канд. ист. наук. Омск, 2009.

³ Блинова А. Н., Чернова И. Н. Этнография семьи и детства немецкого населения Западной Сибири в XX — начале XXI века. Омск, 2009.

⁴ Вибе П. П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Омск, 2007.

⁵ Виль Ю. А. Современный образ жизни российских немцев: на материалах Западной Сибири 1989–2001 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002.

⁶ Смирнова Т. Б. Немецкое население Западной Сибири в конце XIX — начале XXI века: формирование и развитие диаспорной группы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2009.

⁷ Черказьянова И. В. Дореволюционная меннонитская школа в Сибири // Филол. ежегодник Омского гос. ун-та. Омск, 1999. Вып. 2. С. 96–101.

⁸ Шайдуров В. Н. Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX — начала XX в. СПб., 2013.

⁹ Барбашина Э. Р. Об этническом будущем российских немцев: сохранение, трансформация, ассимиляция? // Ключевые проблемы истории российских немцев: материалы X Междунар. конф. М., 2004. С. 162–177.

¹⁰ Кириллов В. М. Менталитет и этническое самосознание российских немцев // История. Право. Образование: материалы III регион. науч. конф. молодых историков. Нижний Тагил, 2008. С. 24–27.

¹¹ Либерт Е. А. Написано на плотдич: некоторые аспекты транскрипции языка меннонитов // Языки и фольклор коренных народов Сибири. Новосибирск, 2016. № 1 (30). С. 15–19.

¹² Бахмутова И. А. Лингвистические и социоллингвистические особенности литературного немецкого языка российских немцев-меннонитов Омской области // Вопр. языкознания. 2012. № 3. С. 122–144.

¹³ См.: Курске В. С. Проблема идентичности маргинальной группы на примере российских немцев // Журн. социологии и социальной антропологии. СПб., 2007. Т. 10, № 2 (39). С. 178–183.

тактность» с испанским, английским, немецким, русским.¹⁴ Запись его кириллицей как возможная представлена в диссертации Р. Нивебура¹⁵ и используется и по сей день, несмотря на то что зарубежные специалисты считают ее неактуальной.¹⁶ Главной проблемой в данном вопросе, по мнению Е. А. Либерт, оказывается выбор используемых графем — букв и их сочетаний, служащих для передачи звуков платтдойч.¹⁷ Именно поэтому омские немцы в личных письмах либо используют литературные языки (немецкий или русский), либо фиксируют речь при помощи латиницы или кириллицы. Чтобы сгладить возникшее противоречие, воспользуемся системой переводческой транскрипции DUDEN.

Итак, обратимся к высказываниям информантов о двойственной природе их этнического самосознания на фоне стыка культур и билингвизма: «...wisent en reede ock Ploutditsch en Rosch... En sèu es det oule soul vemeschtmet dem Roschen derch en ounda» («...мы сами являемся и говорим на плотдич и на русском... У нас так все перемешалось с русским»); «Etrveschtu je nech Ploutditsch... Wi rede je napolowinu Rosch» («Я не понимаю плотдич... Наполовину говорим по-русски»); «Wi sent Ploutditsche, uba onse Tenja... din mot man dot bibrenje» («Мы — плотдич, но вот наши дети... их этому уже приходится учить»).

Как свидетельствуют высказывания, наши информанты — немцы-меннониты сел Омской области — принимают смешанный характер собственной этнокультурной и языковой ситуации. Однако они не говорят: «Мы и русские тоже», — они утверждают: «Мы — плотдич», — или соглашаются: «Мы — наполовину рош (русские)». Некоторые респонденты проводят черту между собой (старшим или средним поколением) и молодежью: «Мы — плотдич, но вот наши дети...»

Выясним, какие же маркеры формируют положительную (или отрицательную) идентичность «плотдич».

Осознание собственной этничности неизбежно связано с понятием этнокультурной границы, с разделением на «своих» и «чужих». Эта этнокультурная граница является

актом сознания человека и формируется в результате исторических, политических, экономических и культурных событий. На ее основе возникает образ «МЫ» — ключевой компонент структуры этнокультурной идентичности (самосознания). Он включает в себя систему представлений о характерных чертах своего этноса (автостереотипы), о его истории, культуре, политическом положении, территориальных и других особенностях. Формирование этнокультурной идентичности связано с процессом социализации личности и происходит, во-первых, в семье, а, во-вторых, под влиянием идеологии государства и/или этнокультурной, в том числе религиозной, общности.

В этой связи маркирующие этнокультурную общность характеристики могут включать в себя целый спектр исторических, идеологических, культурных, ландшафтных и индивидуальных условий (явлений), позволяющих ее представителям осознавать себя целым. К таким маркерам относятся:

- этноним (или самоназвание этнокультурной группы);
- родной язык и языковые практики;
- статус этнической группы в структуре государства (наличие автономии, административно-территориальной единицы), осознание себя самостоятельным народом или частью какого-либо другого народа;
- культура в целом;
- религия;
- место проживания;
- историческая память;
- общая историческая судьба;
- брак, семья, отношение (установки) к смешанным бракам;
- национальность родителей, фамилия;
- собственная национальность;
- элементы культуры и быта, например обряды и традиции (свадьба, похороны, народные и религиозные праздники и пр.), хозяйственный уклад, специфическая кухня, традиции в одежде и т. п.;¹⁸
- эмоциональная составляющая (чувства, которые у человека вызывает принадлежность к этнокультурной общности: гордость/обида, неуверенность/защищенность).¹⁹

¹⁴ См.: Rempel H. Kjennt jie noch Plautdietsch? A Mennonite Low German Dictionary. Winnipeg (Manitoba, Canada), 1984.

¹⁵ Nieuweboer R. The Altai Dialect of Plautdiitsch (West-Siberian Low German). Groningen, 1963. P. 235–242.

¹⁶ См.: Siemens H. Plautdietsch. Bonn, 2012. P. 16.

¹⁷ См.: Либерт Е. А. Указ. соч. С. 15–19.

¹⁸ Поздеев В. А., Козлов Е. В. Похоронно-поминальный комплекс обрядов в исследованиях XIX — начала XX в. как маркер марийской этнической идентичности // Вестник ВятГГУ. 2014. № 11. С. 168–174.

¹⁹ См.: Курске В. С., Смирнова Т. Б. Этническая идентичность российских немцев в начале XXI в. (по результатам всероссийского опроса) // Журн. социологии и социальной антро-

В ходе экспедиции нам удалось собрать информацию лишь по некоторым из перечисленных выше маркеров. В данной статье остановимся, в частности, на компонентах «самоназвание», «языковые практики», «религия», «историческая память» и на отдельных аспектах маркера «брак, семья».

Опрошенные нами 30 жителей сел Омской области относят себя к этносу российских немцев, себя при этом 25 информантов именует себя словом «Plautditsch» («плотдич»), образованному от местного варианта названия нижненемецкого диалекта, 27 информантов — словом «Ditsche» / «Deutsche» («немцы»). Приведем пример из одного интервью: «Et`hojt Rita. En si ne Plottdische. Si en desem Darp jebure — Sonzewka. En ditschet Darp. Mine Elresent Ditsch. Ok de Groutel rekume ute ditsche Darpa ute Украина en fene Крым» («Меня зовут Рита. Я — плотдич. Родилась в этой деревне, в Солнцевке. Это немецкая деревня. Мои родители — немцы. Бабушки и деды тоже приехали из немецких деревень, из Украины и из Крыма»).

Таким образом, самоназвание немцев исследуемых нами сел Омской области, во-первых, идентично названию их языка (диалекта), во-вторых, очерчивается поликультурными рамками (российские немцы — немцы — граждане России).

Что касается родного языка, нижненемецкий диалект платтдойч родным для себя считают 27 информантов, немецкий язык — 16 человек, русский язык — 14 человек. Все информанты свободно владеют русским языком. Степень же владения немецким языком у респондентов различна: свободно владеют им — 24, испытывают трудности в общении — 6 человек.

На вопрос, где вы выучили платтдойч, 27 информантов ответили «в семье». Уровень языковой компетенции в родном диалекте выше у старшего поколения информантов. Среднее и младшее поколения признают, что владеют не чистым диалектом, а смесью платтдойч с другими диалектами и литературным немецким. Кроме того, в речи информантов фиксируется так называемое смешение кодов, обусловленное низким уровнем языковой компетенции в платтдойч и немецком. Это выражается в том, что информанты пересыпают свою речь словами русского язы-

ка. В качестве примера приведем несколько высказываний:

— «Jo, de Ploutditsche sproack, etr wodsae, doi es onajeklont. Wann etr mete jonge Mensche reed, nagoch blëus de jonge, ock mine Tenja, doi sent go nech moja jong, doi sent... de Jensta wot нь oul feftech. Na onse, dout jet noch sëu, oba нь wot sëu foulsch jereet. End out es meist nech ountuhorche, oba wie reede je тьсемма noch Ploutditsch» («Да, язык плотдич, если можно так сказать, затоптан. Когда я разговариваю с молодыми людьми, да и не только с молодыми, моим детям, например... самому младшему скоро пятьдесят... Да, вроде все идет как раньше, но сейчас говорят совсем неправильно. Прямо невозможно слушать. Хотя дома мы по-прежнему говорим на плотдич»);

— «Von Klouf, hun ich uf Teitsch mit meine Eltern kesproche, und auch mit den Kroseltern. Awer es war sehr oft viel Komisches passiert, weil der Opa Erich war von der Ukraine, der hat Plattdeutsch kesproche. Die Oma, die Amalia, war von der Wolga. Sie hat einen anderen Dialekt kesproche. Und die andere Oma und Opa waren auch schon hier in Plumenfeld kepohren. Deswegen mir zu Hause sehr oft komisch kesproche. Bei uns zu Hause hotskewe eine konse Mischung von Mundarten» («С детства я с моими родителями говорила по-немецки, с бабушкой и бабушкой тоже. Часто случалось что-нибудь комичное, так как дедушка Эрих был с Украины, он говорил на платтдойч. Бабушка Амалия была с Волги. Она говорила на другом диалекте. А другие дедушка и бабушка родились здесь. Поэтому мы дома часто разговаривали комично. Одно и то же слово мы говорили по-разному. У нас дома была настоящая смесь диалектов»);

— «Es wjard uns schon schwer Teitsch verzehle. Ascht, wo tie Krousmome der hom war, war s leichter konge. Und jetzt sin se all wegkezouhe. Und ich sa ja, wenn nur tie alde Leit sin komme sich uf пенсия zu оформляе, tes war omsou ums Hjarz kut. Oder wie, ich waas karnet, ich war immer sou froh, tas ich konnt etwas uf teitsch verzehle. Un jetzt verkess ich tie Wjarder, ich verkess ja tes, weil ich konnnet mit wem Teitsch verzehle. Un tut mir schon tie ruse Wjarder mitmishe mit Teitsch. Mir замечаете ka net, wie tes passiert. Na un so» («Нам все тяжелее говорить по-немецки. Раньше, когда была еще бабушка, было легче. А сейчас все уехали. Я говорю, когда пожилые люди приезжали оформлять пенсию, так было на сердце хорошо. Или, я даже не

знаю, я очень радовалась, что я могла говорить по-немецки. Сейчас я забываю слова, потому что не с кем говорить по-немецки. И смешиваешь русские слова с немецкими. Мы даже не замечаем, как это происходит. И это так»).

Как свидетельствуют примеры, язык старшего поколения более самобытен, а среднего — приближен к литературному немецкому.

Что касается языковых практик, мы попытались выявить сферы применения информантами платтдойч, немецкого и русского языков. Выяснилось, что употребление платтдойч ограничивается семейным кругом («общение в семье», «с родственниками», «письма и звонки родным»), а также близким окружением (соседи, односельчане-немцы) и религиозной общиной (единоверцы-меннониты). 2 человека из 30 опрошенных заявили, что используют платтдойч в профессиональной сфере.

По мнению А. А. Авдашкина, у российских немцев немецкий язык и диалекты перешли из сферы практического применения в область символов.²⁰ Результаты, полученные нами в экспедиции, не подтверждают этот тезис, но и не опровергают его. Тенденция к символизации диалекта начинает прослеживаться.

В соответствии с требованиями времени значительно укрепились позиции немецкого литературного языка. Однако старшее поколение предпочитает застывшие диалектные формы (26 информантов), а среднее и младшее — в основном владеют и диалектом, и литературным языком (24 информанта). Каждая семья имеет родственников в Германии, общение с которыми ведется преимущественно на немецком языке. В качестве иностранного языка омские меннониты предпочитают изучать немецкий (26 информантов изучили Hochdeutsch (литературный немецкий) в школе). Трое информантов назвали университет сферой употребления Hochdeutsch.

Примечательно, что изучение в школе литературного немецкого может угрожать сохранению диалекта в семье. Информанты сообщили нам о том, что некоторые дети, изучая литературный немецкий в школе, испытывают внутренний протест по отношению к диалекту и не хотят на нем разговаривать и что такие случаи не единичны.

На русском языке говорят в семьях («с родителями» — 26 информантов, «с детьми» — 28 информантов, «с бабушками и дедушками» — 27 информантов), с односельчанами, в государственных учреждениях и учебных заведениях (в школе, в институтах, в медицинских, социальных, административных учреждениях). Религиозные службы в сельских общинах меннонитов ведутся, как правило, тоже на русском языке.

В целом религия является серьезным мотивом в формировании этнокультурной идентичности наших респондентов. Принадлежность к меннонитскому религиозному сообществу предопределяет ценностные ориентации, семейный и хозяйственный уклад, культурно-бытовые традиции и обряды, традиции вступления в брак и воспитания детей. Она же является одним из главных мотивов сохранения диалекта. При этом религиозный маркер сам влияет на характер этнических и межэтнических процессов в изучаемых нами общинах. Так, на вопрос о межэтнических и межконфессиональных браках значительное большинство информантов (27) заявило, что вступать в брак желательно не просто с представителем немецкой национальности, а именно с единоверцем. В одной семье нам рассказали о том, что русский молодой человек принял меннонитскую веру и выучил платтдойч, чтобы получить согласие на брак со своей избранницей-немкой у ее родителей. Такой случай, разумеется, уникален, но и он иллюстрирует установки на межэтническое общение и браки наших омских респондентов.

Молодое поколение менее консервативно в отношении брачных установок: молодые люди допускают возможность межэтнических браков, но считают важным прислушиваться к мнению родителей.

Все опрошенные нами представители старшего и среднего поколения состоят в браке, все браки моноэтнические. Большинство семей старшего поколения многодетные (имеют в среднем от 4 до 13 детей), только в одной семье 1 ребенок и в двух — по 2. В семьях среднего поколения количество детей тоже гораздо выше, чем в среднем по стране, и составляет 2–6 человек.

Семьи характеризуются наличием крепких хозяйств: как правило, у них земельные участки с большим огородом, домашней птицей и скотом (куры, свиньи, коровы). Информанты особо подчеркивают трудолюбие и усердие

²⁰ См.: Авдашкин А. А. «Кто мы и где наша Heimat?»: этническая идентичность российских немцев на рубеже XX–XXI вв. (на материалах Челябинской области) // ВААЭ. 2015. № 1 (28). С. 116–124.

в работе как национальную черту всех платтдойч. Однако мотив утраты смыслового пространства проник и в эту сферу жизни немцев. Старики с сожалением отмечают лень и праздность в поведении молодого поколения. Для иллюстрации приведем два отрывка из записанных нами интервью:

— «Onse Mota es ok et ne ploutdische Femilje. En... doj habe emma soja jeschouft. Femiles doj ploutdische habe emma soja jeobet. Habe fil Foj jehoule. En sent soja obetsame Mensche» («Наша мать тоже из семьи плотдич. И... они всегда много работали. В семьях плотдич всегда много работали. Держали много скота. Это очень трудолюбивые люди»);

— «En op wout hële soi dëune ene frije Tit? — Divan lede. — Noch op wout? Hëule soi op Beetja lese? — Nee. — Televisor tete? — Televisor tret'wie» («А чем они (внуки) занимаются в свободное время? — На диване лежат. — А чем еще? Может, книги читают? — Нет. — Смотрят телевизор? — Телевизор мы смотрим»).

С религиозностью тесно связаны общие события в истории семей меннонитов, трагические эпизоды, запечатленные в их общей исторической памяти. Ключевыми словами-маркерами, цементирующими прошлое в этнокультурном самосознании информантов, являются (даны на платтдойч или немецком):

— Wolgadietsch («немцы Поволжья») — указываются места происхождения предков;

— ditsche Darpaute Ukraineen Krym («немецкие деревни Украины и Крыма») — указываются места происхождения предков;

— Obet, obetsam («работа», «трудолюбивый»);

— Trudarmoj («тудармия»);

— Kolchos («колхоз»);

— Jemeinde («община», религиозная, сельская);

— T'rechjsjore («годы войны»);

— Femilje fen vragi naroda («семья врагов народа»);

— jeschute («расстрелян»);

— Kollektivisatsija, Raskulatschivanije («коллективизация, раскулачивание»);

— Gläubige («верующий»);

— Verfolgung der Christen («преследование христиан»);

— Führung Gottes («водительство Господа»);

— Jefengnis («тюрьма»);

— Lager («лагерь»);

— Gebiet Omsk («Омская область»);

— Honga («голод»);

— Breut («хлеб»);

— Ernte («урожай») и др.

Сохранение исторической памяти информанты считают приоритетной задачей общины и семьи. Большинство представителей старшего поколения стараются вести семейный архив, который затем планируют передать потомкам. Двое из участников опроса издают книги по истории своей семьи и общины (на литературном немецком языке). Все без исключения заботятся о том, чтобы передавать историю семьи в устной форме (в виде рассказов и семейных преданий) молодому поколению. Однако и здесь старики замечают отсутствие подлинного интереса к семейной истории и некоторую «рассеянность внимания» со стороны молодежи.

Таким образом, в ходе исследования были сделаны следующие выводы:

Основным институтом, формирующим этнокультурную идентичность немцев исследуемых сел Омской области, является семья.

Религия служит серьезным мотивом в формировании этнокультурной идентичности информантов, в сохранении диалекта и в формировании установки на моноэтнические и моноконфессиональные браки, так как от этого непосредственно зависит возможность использования в семье платтдойч и исповедования одной веры. В семьях, где один из супругов не является немцем и не говорит на платтдойч или они не исповедуют одну веру, происходит утрата этнокультурной идентичности.

Теснота границ островной жизни носителей платтдойч деформирует традиционные установки на заключение моноэтнических браков у молодого поколения немцев.

Требования времени ведут к снижению уровня знания платтдойч у среднего и младшего поколения и к повышению уровня языковой компетенции в литературном немецком языке.

Большинство представителей среднего и молодого поколений считает русский язык своим родным языком.

Ключевым фактором этнокультурной консолидации является историческая память платтдойч.

Zhanna A. Serzhanova

Candidate of Philological Sciences, Siberian State Aerospace University (Russia, Krasnoyarsk)
E-mail: *sershanowa@mail.ru*

Natalya A. Gruba

Candidate of Pedagogical Sciences, Siberian State Aerospace University (Russia, Krasnoyarsk)
E-mail: *ngruba@yandex.ru*

THE MENNONITE GERMANS IN THE OMSK REGION:
ON THE SUBJECT OF ETHNOCULTURAL IDENTITY

The article presents an analysis of the ethno-linguistic and the cultural-historical data collected in the course of a dialect study expedition in the rural areas of the Omsk region the population of which speaks the Plattdeutsch or Ploutditsch dialect of the German language and call themselves “Ploutditsch”. The majority of the interviewed informants were the representatives of the Mennonite communities — the unique islands of culture which to this day maintained a specific way of life, preserved the traditional values and the language of their ancestors. The study focused on the problems of ethnocultural identity of the German Mennonites in the Omsk region which was formed initially as a merger of two cultures — the German and the Russian. Thus the ethnic picture of the world which formed in their minds was Russian-German; the same was true about their self-identification. Nonetheless, a personality which developed in this cultural environment was devoid of any signs of cultural dualism. Its characteristic attribute was integrity formed as a result of absorption of a wider range of values and accommodation of internal conflicts. The paper provides a description of the markers constituting the basis of the informants ethnocultural self-identification: the endonym (or an ethnonym), the native language and linguistic practices, the religion, the historical memory and common history, marriage and family, including the parents' and the spouses' ethnicity, own ethnicity, etc. Who are the Omsk “Ploutditsch” today, what are the models of their collective identity, what modern markers compose/decompose it, influence the nature of inter-ethnic processes inside the studied communities — this was the list of some of the issues discussed in the article.

Key words: *ethnic identity, Germans, Mennonites, ethno-cultural dichotomy, the ethnic picture of the world, self-identification, ethnic self-awareness, Plautditsch*

REFERENCES

- Arent I. V. *Natsionalno-territorialnye i kulturnye obrazovaniya nemtsev Zapadnoy Sibiri kak obekt politiki Rossiyskoy Federatsii v kontse XX — nachale XXI vv.* Kand. diss. [National-territorial and cultural entities of the Germans of Western Siberia as an object of the policy of the Russian Federation in the late 20 — early 21 centuries. Cand. diss.]. Omsk: OmGPU Publ., 2009, 199 p. (in Russ.).
- Avdashkin A. A. [“Who are we and where is our Heimat?”: ethnical identity of the Russian Germans at the turn of 20–21 centuries. (according to materials from Chelyabinskaya Oblast’)]. *Vestnik archeologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography], 2015, no. 1 (28), pp. 116–124. (in Russ.).
- Avdeev I. E. *Foneticheskiy stroy nizhnenemetskogo govora Altayskogo kraja v ego istoricheskom razviti.* Avtoref. kand. dis. [The phonetic structure of the Low German dialect of the Altai territory in historical development. Abst. of cand. diss.]. Novosibirsk: NGU Publ., 1965, 21 p. (in Russ.).
- Barbashina E. R. [On the ethnic future of Russian Germans: preservation, transformation, assimilation?]. *Klyuchevye problemy istorii rossiyskikh nemtsev: materialy X Mezhdunarodnoy konferentsii* [Key problems of the history of Russian Germans: materials of the 10th Int. Conf.]. Moscow: ZAO “MSNK-press” Publ., 2004, pp. 162–177. (in Russ.).
- Baxmutova I. A. [Linguistic and sociolinguistic traits of Standard German spoken by German Mennonites of Omsk province, Russia]. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 2012, no. 3, pp. 122–144. (in Russ.).
- Blinova A. N., Chernova I. N. *Etnografiya semi i detstva nemetskogo naseleniya Zapadnoy Sibiri v XX — nachale XXI veka* [Ethnography of the family and childhood of the German population of Western Siberia in the 20 — early 21st century]. Omsk: Nauka Publ., 2009, 326 p. (in Russ.).

- Cherkazyanova I. V. [Pre-revolutionary Mennonite school in Siberia]. *Filologicheskii ezhegodnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta* [Philological Yearbook of Omsk State University]. Omsk: OmGU Publ., 1999, iss. 2, pp. 96–101. (in Russ.).
- Jedig H. *Laut und Formenbestand der Niederdeutschen Mundart des Altai-Gebites* [The sound and form of the Low German dialect of the Altai-Gebite]. Berlin: Akademie Verlag, 1966, 106 p. (in Germany).
- Kirillov V. M. [Mentality and ethnic self-awareness of Russian Germans]. *Istoriya. Pravo. Obrazovanie: materialy III regionalnoy nauchnoy konferentsii molodykh istorikov* [History. Right. Education: materials of the 3rd regional Sci. conf. of young historians]. Nizhny Tagil: NTGSPA Publ., 2008, pp. 24–27. (in Russ.).
- Kurske V. S. [The problem of the identity of the marginal group on the example of Russian Germans]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2007, vol. 10, no. 2 (39), pp. 178–183. (in Russ.).
- Kurske V. S., Smirnova T. B. [The ethnic identity of Russian Germans in the early 21st century. (According to the results of the All-Russian poll)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2011, vol. 14, no. 1, pp. 160–177. (in Russ.).
- Libert E. A. [Written in Plautdietsch: some aspects of transcription of the Mennonite language]. *Yazyki i folklor korennykh narodov Sibiri* [Languages and folklore of indigenous peoples of Siberia], 2016, no. 1 (30), pp. 15–19. (in Russ.).
- Nieuweboer R. *The Altai Dialect of Plautdietsch (West-Siberian Low German)*. Groningen: Rijks Universiteit, 1963, 308 p. (in English).
- Pozdeev V. A., Kozlov E. V. [Funeral and memorial complex rituals in research 19 – early 20th centuries Mari as a marker of ethnic identity]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Herald of the Vyatka State University of Humanities], 2014, no. 11, pp. 168–174. (in Russ.).
- Rempel H. *Kjennt jie noch Plautdietsch? A Mennonite Low German Dictionary*. Winnipeg, 1984, 295 p. (in English).
- Shaydurov V. N. *Evrei, nemtsy, polyaki v Zapadnoy Sibiri XIX – nachala XX v.* [Jews, Germans, Poles in Western Siberia of the 19 – early 20 centuries], Saint Petersburg: Nevskiy institut yazyka i kultury Publ., 2013, 259 p. (in Russ.).
- Siemens H. *Plautdietsch* [Plautdietsch]. Bonn: Tweeverlag, 2012, 268 p. (in Germany).
- Smirnova T. B. *Nemetskoe naselenie Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XXI veka: formirovanie i razvitie diaspornoy gruppy*. Avtoref. dokt. dis. [The German population of Western Siberia in the late 19 – early 21 century: the formation and development of the diaspora group. Abst. of doct. diss.]. Omsk: OmGU Publ., 2009, 46 p. (in Russ.).
- Vall G. I. *Slovoobrazovatelnye modeli nizhenemetskogo govora Omskoy oblasti*. Avtoref. kand. dis. [Formative models of the Low German dialect of the Omsk Region. Abst. of cand. diss.]. Kalinin: KGU Publ., 1974, 24 p. (in Russ.).
- Vibe P. P. *Nemetskie kolonii v Sibiri: sotsialno-ekonomicheskiy aspekt* [German colonies in Siberia: the socio-economic aspect]. Omsk: OmGPU Publ., 2007, 368 p. (in Russ.).
- Vil Yu. A. *Sovremennyy obraz zhizni rossiyskikh nemtsev: na materialakh Zapadnoy Sibiri 1989–2001 gg.* Kand. diss. [The modern way of life of Russian Germans: on the materials of Western Siberia 1989–2001. Cand. diss.]. Omsk: OmGU Publ., 2002, 223 p. (in Russ.).